

Е.М. АВРААМОВА

Формирование новой российской макроидентичности

Социальная идентичность в период общественной трансформации

Анализ изменений в общественной жизни России последних лет позволяет отчетливо увидеть специфику ее социальной эволюции, ее отличия от внешне подобных процессов, происходивших и не завершившихся еще до сих пор в Центральной и Восточной Европе. Главная особенность социальной ситуации в нашей стране состоит в том, что здесь адаптация к изменившимся социально-экономическим условиям совпала по времени с наиболее острым этапом цивилизационного кризиса, протекает одновременно со сменой фундаментальных механизмов социально-экономического регулирования.

Процессы трансформации в России связаны с глубокой модификацией системы ценностей и моделей социально-экономического поведения, с проблематизацией ранее сложившихся моделей социально-экономического действия и соответствующих им статусных позиций. Практически вся система социальных институтов, регулирующих социально-экономические отношения, поставлена под сомнение. Даже такие фундаментальные для рыночной экономики социальные институты, как деньги и собственность, не связаны с едиными для подавляющего большинства населения понятиями, значениями и нормами. Не определены и не названы магистральные направления социально-экономического развития: социализм ли это с человеческим лицом, народный или государственный капитализм. Официальная идеология еще не выработала ясной цели общественного развития.

За последние пять лет страна вписалась в суженные географические границы, несколько раз изменила название, поменяла государственную символику. Все эти обстоятельства еще больше усиливают и без того высокую нестабильность самой социальной среды. Процесс адаптации превращается из приспособления к относительно стабильным внешним условиям в сложные субъектно-институциональные взаимодействия, при которых меняются как сами модифицирующиеся институты, так и собственно субъекты трансформации.

В этих условиях заслуживает особого внимания процесс формирования в обществе макроидентичности, который при его благоприятном течении может ускорять адаптацию и тем самым способствовать социально-экономическому развитию страны. В то же время размытость, диффузия или стагнация идентичности становятся социально-психологической преградой общественного развития.

Общенациональная идентичность объективно имеет двоякую функцию. Являясь психологическим механизмом отождествления, она формирует, во-первых, национальное самосознание и осуществляет, условно говоря, "позитивную безопасность", способствуя органичному функционированию социальных структур, большей

А в р а а м о в а Елена Михайловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

социальной интеграции общества, во-вторых, "негативную безопасность", направленную на "отражение" различного рода социальных угроз (размывание социальных связей, аномии, фрустрации, маргинализации и криминализации социума). Необходимым условием устойчивого, поступательного развития общества и органичного выстраивания системы его институтов является определенная степень общенациональной консолидации. Здесь важно сделать акцент на слове *степень*, поскольку полная консолидация возможна только в тоталитарных обществах, которые продемонстрировали свою историческую и экономическую нежизнеспособность.

Можно заключить, что идентификация (механизм отождествления личности с определенной социально-значимой целостностью, воспринимаемой на эмоциональном и сознательном уровне в общих символах и категориях) - важнейшая основа социально-психологической общественной интеграции. Причем отношение к своей идентичности (национальной, социальной или политической) может быть как положительным, обеспечивающим тем самым большую степень социальной гомогенности и консолидированности, так и негативным, ведущим в конечном итоге к аномии - утрате нормативной определенности. Вследствие последнего обстоятельства личный жизненный опыт перестает соответствовать вновь возникающим нормам (по Э. Дюркгейму) либо разрыву между ценностями культуры и социально одобряемыми способами их достижения (по Р. Мертону). Поскольку в основании идентичности лежат определенным образом организованные значимые символы, социальное взаимодействие реализуется только при условии принятия и адекватного понимания этих символов, создающих позитивный образ "коллективного Мы".

Как свидетельствует история, для эффективного развития модернизационных процессов необходимо органичное или хотя бы непротиворечивое соединение макроидентичности (общенациональной идентичности) и социально-групповой идентичности (по демографическим, религиозным, профессионально-корпоративным основаниям). Достаточно вспомнить Голландию XVII-XVIII веков, Англию XVII-XIX веков, которые занимали в то время лидирующее положение в экономической и политической сфере благодаря не только объективным факторам (географическому положению и колониально-торговым предприятиям), но и высокой степени национальной консолидированности, осознанию своих национальных интересов в сочетании с корпоративной и религиозной идентичностью, оформлявшейся в рамках протестантизма.

Бурное развитие капитализма в США в огромной мере обеспечивалось за счет мощной национально-государственной идентичности и духа религиозного мессианства, разделяемого выходцами из Старого Света, образовавшими костяк будущей американской нации. До настоящего времени в основе американской идентичности лежит специфический патриотизм (вера в незыблемость либеральной политико-правовой системы, отождествление личных интересов и интересов Америки), сильная внецерковная религиозность, которую иногда называют "американской религией", сохраняющееся "общинное" начало (*community*) и пафос индивидуальной свободы [1]. В большинстве стран, где идеалы и цели модернизации в той или иной степени смогли быть реализованы в виде современной модели национальной экономики, включенной в широкие международные связи, степень общенациональной идентичности, т.е. отождествления символов и интересов общего и личного, весьма высока.

Проблематизация общенациональной идентичности и является необходимым условием поддержания процесса модернизации. В том случае, если модернизация развивается достаточно органично и воспроизводится без активного внешнего влияния со стороны государства, место общенациональной и социально-классовой идентичности постепенно занимает личная, индивидуально-утилитарная идентичность. Эти процессы фиксируются исследованиями, проводившимися начиная с послевоенного периода в странах Западной Европы [2], Однако в странах Центральной и Восточной Европы, ставших на путь рыночной модерниза-

ции только с конца 1980-х годов, доминирующее по сравнению с индивидуальной идентичностью положение занимает идентификация по национально-государственным символам. Хотя в будущем можно прогнозировать возрастание роли индивидуальной идентичности.

Исходное идентификационное пространство и становление новых идентичностей

Исходное идентификационное пространство нашей страны со своим набором значений, символов, ценностей и норм перед началом осуществления реформ создавалось прежде всего государственной моноидеологией. Главной идентификационной моделью в этом пространстве был "советский человек" с соответствующим перечнем этических качеств. Многие агенты социализации были подключены к формированию именно этой идентичности (школа, пионерская, комсомольская, партийная организации, средства массовой информации). Однако излишне формализованный и нормативистский характер данной модели, лишенный сакрально-эмоционального значимого подкрепления, по мере роста социального опыта приводил к отчуждению значительной части населения от аскриптивных оснований, связанных с подобной идентичностью.

Выполнение социальной роли, связанной с идентичностью "советский человек", носило в значительной степени формализованно-ритуалистский характер, при этом нередко создавался феномен скрытой за ритуальностью органичной идентичности. В меньшей степени в формировании этого пространства участвовали первичные социальные группы (семья, ближайшие родственники и друзья), поскольку государственная идеология практически монополюно определяла круг допустимых для интериоризации значений. Поэтому влияние микрогрупповых норм и ценностей на формирование идентичности было предельно сужено. Самым негативным последствием существования подобной системы идентификационного пространства стал резкий разрыв между государственной инстанцией, санкционировавшей допустимый перечень оснований идентичности, и агентами первичной социализации. В неталитарном типе общества такой разрыв заполняется опосредующим звеном в виде различного рода добровольных ассоциаций, выступающих в качестве автономного агента вторичной социализации (например, в США более 75% взрослого населения входят по крайней мере в одну добровольную ассоциацию). Естественно, в СССР ввиду крайне жесткой регламентации социальной инициативы, подавленности автономных социальных статусов этот разрыв постоянно воспроизводился и обуславливал односторонний характер "советской идентичности", которая так и не смогла стать органичной.

Со временем, когда ослабли напор и пафос государственной идеологии, а задаваемые ею нормы перестали подкрепляться жесткими санкциями, "советский человек" стал терять целостность. Национальная идеология - хотя и важный, но не единственный элемент в системе социальной идентичности, она представляет собой всего лишь своеобразную надстройку над социокультурным ядром этой системы. Именно поэтому разрушение советской идеологии отнюдь не означало полного размывания национально-государственной идентичности в основной массе населения.

Более того, именно социокультурные изменения в механизмах национально-государственной идентичности, инициируя процессы ломки существующих идеологий, в конце концов приводят к появлению новых идеологических конструкций. Крах коммунистической идеологии и был вызван новыми моментами в самоидентичности советских людей, зародившимися и набиравшими силу в 60-80-е годы. Прежде всего эти моменты проявились в партикуляризации интересов, приватизации личной жизни, реальном уходе в сферу быта при прокламировавшемся идеологией примате жизни общественной. На микросоциальном уровне начинался переход от тотальных

общественных интеграторов к более модернизированным, которые определялись частными, отделенными от государства интересами и новыми способами их реализации и согласования. Характерно, что уже с середины 60-х годов героико-патриотическая символика и риторика, связанные с доблестным трудом, воспринимаются как казенные и заменяются на те новые, которые и до сих пор символизируют в массовом сознании (в основном через образы кинематографа) присущие россиянам национальные особенности характера - мягкость, душевность, простоту и добросердечность в отношении между людьми. Уже в 70-е годы были созданы первые повседневные и праздничные ритуалы этой новой идентичности, связанные не с парадами и демонстрациями, а, например, с ежегодным семейным просмотром в предновогоднюю ночь рязановской "Иронии судьбы". Весьма симптоматично, что и накануне 1998 года конкурирующие каналы российского телевидения боролись за право на эту ритуальную демонстрацию.

Начавшие формироваться 20-30 лет назад массовые современные урбанистические и потребительские установки приобрели несколько гипертрофированные формы, поскольку в условиях существовавшего социально-экономического уклада не могли быть сбалансированы необходимой социальной ответственностью за достижение своих частных интересов, в том числе и потребительских. По существу, эти установки поддерживались вторым большим идеологическим мифом времен "развитого социализма", особенно распространенным среди жителей больших городов и представителей местных региональных элит, - мифом о возможности быстрого и относительно безболезненного перехода от унитарного советского социализма к цивилизованному социализму шведского типа.

Наши исследования конца 80-х годов показали, что в массовом сознании шведская модель национально-государственного устройства с высокими стандартами индивидуального потребления и в то же время с достаточной мерой патернализма в социальном укладе оказалась доминирующим социальным идеалом для тех слоев населения, которые ориентировались на модернизацию. Вскоре, однако, стало ясно, что идеологический миф быстрого перехода к государству всеобщего благоденствия, на который опирались реформаторы-демократы, не выдерживает столкновения с реальностью социально-политической трансформации.

Таким образом, в настоящее время мы переживаем очередной этап процесса, начавшегося задолго до распада СССР. Этот этап является очередным звеном в цепи модернизации общества и затрагивает не только институциональную сферу, но и глубинные социокультурные пласты, детерминирующие способы национально-государственной идентичности россиян. Характерной его чертой становятся радикальные институциональные изменения, связанные с модернизацией политической и экономической сфер, т.е. с созданием рыночных структур и укреплением структур гражданского общества.

Меняющаяся система социальных институтов переводит уже сформировавшиеся культурные и потребительские установки из сферы желаемого в сферу действительного. Это требует от людей мобилизации всех имеющихся ресурсов, их конвертации в новый, значительно более широкий набор потребительских благ и политических свобод и в конечном счете обретения новых социальных статусов. Кризисное состояние, в котором оказалась преобладающая часть населения, выражающееся в неосвоенности новых, адекватных складывающимся институциональным формам, образцов хозяйственного поведения и несформированности устойчивой социальной идентичности, является объективной характеристикой переходного периода развития российского общества.

Крушение перестроечного мифа о быстром скачке в богатый и свободный капитализм создает не меньшие (если не большие) затруднения в оформлении новой идентичности, чем крушение мифа советского. Применительно к переходному периоду поэтому можно говорить о наличии и переходного типа идентичности, совмещающего черты формирующегося современного типа личности и традициона-

листкие ценности и установки. В выявлении соотношения **и взаимосвязи этих двух** тенденций, участвующих в формировании современной российской идентичности, и состоит одна из основных задач политического маневрирования.

Гражданская макроидентичность

Трансформация, затронувшая сферы социально-экономических, социокультурных, политических отношений, не могла не коснуться и системы национально-государственного устройства страны. Изменения в этой области с неизбежностью привели к тому, что гражданская макроидентичность стала проблемой для всего населения России, обретшей новые границы, название и государственную символику.

Сегодня наши исследования фиксируют значительное сокращение присутствия в идентификационном пространстве идентичности "советский человек". Если в 1991 году гражданами СССР считали себя 78% опрошенных, в 1993 году - 20%, то данные опроса 1997 года свидетельствуют о дальнейшем угасании этой идентичности (до 12,9%). В то же время чисто "западническая" идентичность - "европеец" - получила наименьший рейтинг: только 1% опрошенных мыслит себя в этом качестве. Вероятно, в период общего кризиса, сопровождающего трансформационный переход, возникает достаточно устойчивая социально-психологическая потребность в конкретном содержательном насыщении макроидентичности, играющей компенсирующую роль при кризисной неопределенности социально-групповой и личностной идентичности. Официально санкционированная макроидентичность - "россиянин" - становится менее распространенной по сравнению, например, с 1993 годом, когда 41% опрошенных выбрали эту позицию. Согласно данным опроса 1997 года, только 24,4% респондентов идентифицировали себя как россияне. Таким образом, эта новая для России идентичность не только не прививается, но даже становится менее востребованной населением. Устойчивое большинство респондентов предпочло самоидентифицироваться в этнической категории "русский" (почти 57%), что, на мой взгляд, вряд ли свидетельствует о широком развитии этноцентристских настроений среди переживающего различные виды кризиса населения России. Скорее, это связано с уже отмеченной ранее потребностью в содержательной "привязке" макроидентичности в условиях диффузности и отсутствия определенного ценностно-символического насыщения в других типах макроидентичности.

Остановимся более подробно на связи выявленных типов идентичности с характером установок респондентов в сфере социально-экономического поведения. Прежде всего, интерес вызывает проблема взаимосвязи между указанными типами макроидентичности, с одной стороны, и степенью и характером адаптации населения к переходным условиям — с другой.

Можно предположить, что макроидентичность "советский человек" сохраняется у наименее приспособленных к новой ситуации респондентов, испытавших поражение в статусе и находящихся в состоянии кризиса конкретной ролевой идентичности. Если проверить это предположение с помощью сравнительных показателей, то получим следующую картину. Респонденты, считающие себя "советскими людьми", испытывают преимущественно настроение "безнадежности" (39,8%). Такое настроение в наименьшей степени присуще определившимся в качестве "россиян". Самое распространенное настроение среди опрошенных - "надежда" (46,4% по всему массиву) - свойственно "советскому человеку" также в наименьшей степени - 33,6% по сравнению с 51,2% у "россиян" и 48,3% у "русских".

Если попытаться выявить взаимосвязь между типами макроидентичности и политическими ориентациями респондентов, то и здесь обнаруживаются определенные закономерности. Так, за КПРФ на последних парламентских выборах проголосовали главным образом идентифицировавшие себя с "советскими людьми", тогда как среди "россиян", ориентированных на это политическое движение, в 3 раза меньше. Зато "россияне" в значительно большей мере склоняются к поддержке партий, чьи

политические лозунги провозглашают либо развитие реформ в духе "народного капитализма" ("Яблоко"), либо сохранение и стабилизацию социально-экономического и политического *status quo* (НДР).

Одним из центральных критериев, позволяющих выявить позиции респондентов по отношению к стратегическим ориентирам развития страны, их идеологические симпатии, является отношение к роли государства в управлении экономикой. В то же время оно позволяет определить ценностные основания макроидентичности и, соответственно, потенциальную динамику адаптации среди различных типов идентичности.

Первый вариант, предполагающий либеральную модель отношения государства и экономики (государство - ночной сторож), поддерживают в основном идентифицировавшие себя как "россияне" (10,7%). "Русские" склоняются к подобному варианту уже в значительно меньшей степени (6,5%), тогда как "советский человек", естественно, не приемлет саму идею практически полностью (1,6%). Полярная первая модель, предполагающая образ государства-патрона, осуществляющего полный контроль над экономикой, прежде всего находит приверженцев среди "советских людей" (60%) и "русских" (30,9%). Наибольшее число сторонников у компромиссной модели социал-демократического толка: среди "россиян" таковых 67,4%, а среди "русских" - 62,6%, тогда как "советский человек" склоняется к данной модели уже в значительно меньшей степени (38%). Таким образом, результаты подтверждают предложенную ранее гипотезу о тесной связи между ценностно-символическим содержанием макроидентичности и психологической установкой на социальное действие в условиях адаптации к постоянно меняющейся среде.

Достижение личного материального благополучия связывается респондентами прежде всего с политикой правительства (52%) и в значительно меньшей степени с личными качествами (20,1%). При этом, естественно, идентифицировавшие себя как "советские люди" склоняются прежде всего (69%) к мысли об обусловленности личного материального положения политикой государства (напомню, что эта категория в качестве идеальной видит жестко патерналистскую модель экономики). Личные качества ценятся "советским человеком" значительно меньше по сравнению с другими типами макроидентичности (12,9%).

Прослеживается связь между характером идентификации и степенью эффективности адаптации у разных групп респондентов. Приходится констатировать, что большинству "найти свое место в новых условиях" не удалось: удачливых оказалось в 2 раза меньше. Среди различных типов макроидентичности распределение по этому показателю отражено в таблице 1.

Наиболее адаптированными являются те, кто идентифицировал себя с "россиянами", тогда как "русские" и "советские люди" оказываются в ряду наименее адаптированных категорий. По субъективной оценке своего исходного адаптационного потенциала респондентами наблюдается примерно схожая картина (табл. 2). Характерно, что "россияне" практически в 2 раза чаще, чем "русские" и "советские люди", признают, что их нынешние возможности значительно увеличились.

С этим же вопросом корреспондирует и вопрос об оценке респондентами уровня своего материального положения. Позиции "не отказываем себе ни в чем" и "с избытком хватает на текущие нужды, но не можем позволить себе очень крупные траты" вновь преимущественно отметили идентифицировавшие себя как "россияне". В то же время "советские люди" и "русские", как правило, "с большим трудом сводят концы с концами" или "терпят нужду". Респонденты, самоидентифицировавшие себя как "русские" или "советские", в большей степени прибегают к традиционалистским вариантам экономического поведения, выражающимся в преобладании пассивных видов адаптации ("экономлю", "работаю на приусадебном участке"). В то же время "россияне" чаще обращаются к способам экономического поведения, более соответствующим изменившемуся социальному контексту ("нашел дополнительные заработки", "имею высокооплачиваемую работу"). Таким образом, "новая идентичность" в

Распределение респондентов, относящихся к различным группам гражданской идентичности, по уровню адаптации (%)

Уровни адаптации	Гражданская макроидентичность		
	"россиянин"	"русский"	"советский человек"
Высокий	8,6	4,8	3,2
Средний	38,3	25,7	14,6
Низкий	31,4	35,9	19,8
Нулевой	21,7	33,6	62,4

Таблица 2

Распределение респондентов, относящихся к различным группам гражданской идентичности, по оценке своих возможностей (%)

Оценка возможностей	Гражданская идентичность		
	"россияне"	"русские"	"советские"
Были и есть возможности обеспечить себя и семью	8,9	8,1	5,2
Возможности значительно увеличились	23,0	12,1	6,0
Возможности значительно уменьшились	46,0	55,1	53,5
Не было и нет возможностей для улучшения жизни	22,1	24,7	35,3

большей мере ориентирована на поисковый путь адаптации к изменяющейся среде по сравнению со "старыми идентичностями", занимающими преимущественно ритуалистско-выжидательный тип экономического поведения.

В числе символических оснований формирования макроидентичности важнейшее место, как представляется, принадлежит понятию "Родина". При этом необходимо представить основные ценностные диспозиции, выявить эмоциональные ассоциации, возникающие у респондентов в связи с этим понятием. Наши исследования (фокус-группа составила 14 человек) показали, что в реальности человек обладает значительно большей свободой проявления своих патриотических чувств, далеко выходящей за рамки участия в предписанных социальных ритуалах. Не случайно, несмотря на социально-психологическую фрустрацию значительной части населения, большинство россиян все же по-прежнему считают себя настоящими гражданами своей страны и ее патриотами, но в значительно меньшей степени чувствительны к соответствующей национальной символике (флаг, герб, гимн). В то же время участники фокус-группы были практически едины, очерчивая социокультурное пространство, в котором они видят образ своей страны. Для них чрезвычайно ценны образы русской природы (поля и реки, березки и ромашки), образы старины (церкви, купола, кресты, при том что эти символы практически не связаны в сознании респондентов с необходимостью отправления религиозных обрядов или соблюдения соответствующих нравственных норм), русская литература.

Респондентам массового опроса было предложено три варианта понимания образа "родины":

- "место, где я родился и живу";
- "самобытная цивилизация, давшая миру многих выдающихся деятелей науки, культуры";
- "одно из европейских государств, возвращающееся на общий путь развития".

Естественно, возможны и другие варианты, однако в исследовании была выдвинута

гипотеза о связи характера и хода адаптации с вполне определенными социально-культурными установками. В частности, важно было определить, насколько в реальной макроидентичности присутствуют, условно говоря, "западнические" (третий вариант закрытия) и "самобытные" (второй вариант закрытия) ценностно-символические коды. Или же в обыденном сознании образ "родины" вызывает какие-то другие, не связанные с интеллектуально-идеологической рефлексией ассоциации. Как раз вариант "место, где я родился и живу" (первый вариант) и представляет собой менее оценочный и не связанный с какой-либо идеологической традицией образец восприятия "родины" как конкретного места, вызывающего более ясные и определенные ассоциации.

Как показали данные исследования, первый вариант ("малая родина") является наиболее распространенным - 78,3%, что, вероятно, можно рассматривать как свидетельство либо падения интереса к эмоционально напряженным символам, образующим фундамент всякой идеологии, либо отрыва языка повседневности и обыденного сознания от языка и идеологических продуктов сознания интеллектуальных элит. Эту категорию респондентов условно можно назвать "аборигенами", не вкладывая в данное понятие какого-либо иронического смысла. Так, "самобытники" (второй вариант) составляют не более 14%, а "западники" (третий вариант) — только 3,6%. Если сравнить эти три позиции с ответами на другие вопросы анкеты, то также можно обнаружить ряд важных дополнительных характеристик респондентов, у которых идентификация с "родиной" проходит по одному из трех вышеуказанных оснований.

Вызывает интерес проблема взаимосвязи рассматриваемых макроидентичностей с представлениями респондентов о том, от чего зависит их материальное положение. Практически половина опрошенных прежде всего связывают свое материальное положение с политикой государства: 52,6% "аборигенов" и 54,8% "самобытников". Лишь у "европейцев" эта доля несколько ниже - 44,4%. Они же в большей, чем другие группы, степени связывают материальный достаток с личными усилиями (таковых здесь 38,9% против 23% среди "самобытников" и 18,8% среди "аборигенов").

Можно предположить, что, гипертрофируя роль государства, респонденты руководствуются двумя мотивами. Для одних государство-патрон - единственный источник экономической и социальной поддержки. Другие, напротив, воспринимают государство как фискала и рэкетира. В обоих случаях значение личных усилий уступает реальной или желаемой мощи государства. В то же время выделенные группы явно различаются по "удельному весу" личных усилий. Наиболее велик он у "европейцев", которые в силу достаточной адаптированности лучше научились "встраивать" личные усилия в контекст существующих социально-экономических условий. Заметно хуже это удается "самобытникам" и "аборигенам".

Кроме идентификации с социальным пространством, символически выраженным понятием "родина", исследовательский интерес вызывает характер восприятия респондентами социального времени. Однако следует подчеркнуть, что нас интересовали не столько динамические аспекты социального времени, сколько ценностно-установочная позиция респондентов по отношению к некоторым историческим временным интервалам. Представляется, что в процессе социальных трансформаций должна особенно обостряться рефлексия времени, которое в такие периоды не просто проживается, а постоянно сравнивается по исторической оси "прошлое-настоящее-будущее". Прошлое в такие периоды начинает привлекаться различными социальными силами либо для сопоставления с настоящим, либо для его оправдания, либо, наоборот, для вынесения ему приговора.

Самоидентификация по шкале социального времени дает возможность разделить выбравших ту или иную позицию на условные группы:

- "традиционалисты", полностью ориентированные на прошлое и черпающие в нем позитивные "социальные чувства";
- "футуристы", не видящие ни в прошлом, ни в настоящем каких-либо значимых для себя ценностных привязанностей;

Таблица 3

Оценка своего места в новых условиях (%)

Удалось ли Вам лично найти место в новых условиях?	"Традиционалисты"	"Футуристы"	"Современники"
Безусловно, да	3,1	7,3	8,9
Скорее, да	16,2	36,7	32,0
Скорее, нет	30,4	29,1	37,9
Безусловно, нет	50,3	26,9	21,2

- "современники", для которых важны не реминисценции или тоска по ушедшим временам и не обращенность в неясное будущее, а живая связь с настоящим, возможность реализоваться в нем.

Можно предположить, что для последней категории в значительной степени будут характерны более конструктивные, адекватные трансформационным процессам формы социальных установок и адаптационного поведения.

По нашим данным наибольшее число респондентов идентифицируют себя с будущим - 34,1%; на втором месте находятся "традиционалисты" - 24,6%, а третью позицию занимают идентифицировавшие себя с настоящим ("современники") - 15,7%. Четвертая часть всех опрошенных не смогла определить своего места на временной шкале.

Для идентифицирующих себя с прошлым характерно наличие негативных эмоциональных состояний (растерянность, безнадежность). Напротив, такие эмоции, как надежда и уверенность в большей степени присущи "футуристам" и "современникам". Ретроориентированные респонденты предпочитают оценивать сложившуюся социально-экономическую ситуацию как "катастрофическую" (43,3%), тогда как подобные алармистские настроения "современникам" и "футуристам" свойственны значительно меньше (17,6% у первых и 15,7% у вторых).

Идеальной моделью взаимодействия государства и экономики для "традиционалистов" является тоталитарно-патерналистский принцип, которому отдает предпочтение половина респондентов, идентифицировавших себя с прошлым. Среди "футуристов" и "современников" сторонников жестко централизованной экономики насчитывается более чем в 2 раза меньше по сравнению с "традиционалистами" (22% и 23%). Не удивительно поэтому, что процент связывающих уровень своего материального положения с политикой государства среди "традиционалистов" выше (58%), чем у "футуристов" (51%) и "современников" (45%), и, наоборот, среди последних больше тех, кто полагает, что материальное положение зависит от их личных усилий (соответственно, 24% и 25% по сравнению с 17% у "традиционалистов").

Характер связи между временной идентичностью и степенью адаптированности респондентов демонстрируют ответы на вопрос "Удалось ли Вам лично найти место в новых условиях?" (см. табл. 3).

Из таблицы 3 видно, что "современники" лучше адаптировались в создавшихся условиях, в силу чего их в большей степени устраивает действительность. Подавляющей части "традиционалистов", напротив, не удалось найти своего места в новой жизни. Нельзя сказать, что в полной мере это получилось у "футуристов" - среди них половина отрицательно отвечает на вопрос об успешности собственной адаптации, но отчасти из-за возраста (это относительно молодая группа), отчасти из-за притяжения общих целей проводимых реформ они переносят свои надежды в будущее.

Можно обнаружить некоторые взаимосвязи между различными основаниями макроидентичности. Так, идентифицировавшие себя с "европейцами", естественно, понимают "родину" как одно из "европейских государств", тогда как для "советского человека" это прежде всего "самобытная цивилизация". Удивительно, что "русские"

среди "самобытников" оказались в меньшинстве: они предпочитают рассматривать "родину" в качестве конкретного места ("малой родины").

Таким образом, можно сделать вывод о том, что макроидентичность находится в процессе структуризации, возникают достаточно четко очерченные идентификационные комплексы. Вместе с тем достаточно определенной рационализированной рефлексии своей макроидентичности у преобладающей части респондентов не наблюдается. В целом мы имеем дело с так называемой диффузной идентичностью, которую Дж. Марсиа рассматривал как "лишенную прочных целей, ценностей" и которая часто может сопровождаться тревожными психологическими состояниями (отчуждением, тревогой, пессимизмом и т.д.)

На современном этапе развития российского общества не преодолен кризис идентичности, ее главные основания носят в значительной мере эклектичный, мозаичный характер. Избираемые типы гражданской макроидентичности очень незначительно коррелируют с содержательными символами, которые должны были бы соответствовать этим типам и подкреплять их. "Достигнутая идентичность" (непротиворечивая соотнесенность и отрефлексированность оснований идентичности) как показатель социально-психологической адаптации характерна для достаточно ограниченного слоя населения. В этом смысле внесение в паспорта, как это планировалось, единой позиции "россиянин" могло бы стимулировать укрепление общегражданской идентичности. Без определенных усилий государства и средств массовой информации эта акция оказалась преждевременной. Однако отказ от нее и внесение прежнего "пятого пункта" в паспорта, безусловно, затормозит формирование национально-государственной идентичности. Сегодня адаптация к складывающимся социально-экономическим условиям протекает неравномерно и дискретно. Часть населения успешно освоены новые формы социально-экономического поведения, другая часть пассивно ожидает улучшения своего положения, а третья активно не приемлет условий социальной среды. Идентичность в такой ситуации носит кризисный характер, ее основания противоречивы, а цели разнонаправленны.

Кризисный характер идентичности предполагает, что наряду с негативными социально-психологическими процессами, характеризующими современное состояние российского идентификационного пространства, в обществе складываются тенденции, свидетельствующие об определенном развитии этого пространства, обогащении его новыми содержательными основаниями, т.е. происходит *рекомбинация идентичности*. Одномерная идентичность, характерная для тоталитарного общества, уступает место сложной и разветвленной системе оснований идентичности, что является отражением политического и культурного плюрализма. В этом смысле идентификация становится критерием эффективности процесса общественной трансформации.

Ускорение динамики социальной переструктуризации и дифференциации объективно привело к возникновению целого спектра новых статусно-ролевых позиций и соответствующей ролевой идентичности. Ликвидация монополярной идеологии способствовала, с одной стороны, определенной ценностно-нормативной дезориентации, а с другой - возможности появления в идентификационном пространстве ранее неизвестных значений, ценностей, норм, образующих плюрализм социально-культурных форм. Вместе с тем новые основания идентификации в условиях кризисного процесса адаптации не приводят к устойчивым "достигнутым идентичностям". Так, число "россиян", коими готовы были себя рассматривать в 1993 году половина респондентов, к 1997 году сократилось вдвое и соответственно выросло число тех, кто, поменяв новые социально-гражданственные основания на привычные этнонациональные, причислили себя к "русским".

В связи с тем что существенно сократилось присутствие государства в сфере формирования образцов социализации и соответствующей идентичности посредством идеологического прессинга, освободившееся место заняли средства массовой информации, ставшие в настоящее время основным агентом социализации. Через этот канал происходит насыщение идентификационного пространства смысловыми, ценност-

ными и нормативными формами массовой культуры (реклама, ориентированная на ролевую идентичность в условиях "общества потребления", персонажи "мыльных опер", звезды эстрады и кино, герои-одиночки отечественных бестселлеров, создающие череду идеальных образов "значимых других", и т.д.). Однако при этом сохраняются и воспроизводятся главные недостатки социальной организации общества - навязывание неорганичных для большинства населения символов и образцов поведения и отсутствие опосредующего срединного звена между государством, с одной стороны, личностью и связанной с ней первичной группой - с другой. В обществе, лишенном тотальности, при отсутствии социально-культурной традиции добровольных ассоциаций возникла другая крайность — атомизированная личность. В то же время к числу позитивных характеристик идентичности может быть отнесено усиление рациональности и прагматики, в целом обеспечивающих большую стабильность социальной среды и лишаящих ее напряженного идеологически окрашенного драматизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айзенштадт С.Н.* Культура, религия и развитие в Североамериканской и Латинскоамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.
2. *Доган М.* Сравнительный анализ спада национализма в Западной Европе: динамика взглядов поколений // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3.

© Е. Аврамова, 1998